

СВЕТОЗАРНОЕ СЛОВО ВАСИЛИЯ ВОЛГИНА

В XX веке в русском зарубежье совершилось событие, уникальное для истории русской литературы: возникла плеяда писателей, твёрдо вставших на почву Православия. Лишённые родины, остро переживающие российскую катастрофу, они открыли «Россию Святой Руси» и воплотили её образы на страницах своих книг. Православная вера стала главным жизненным ориентиром, основой художественного творчества Ивана Шмелёва и Бориса Зайцева, Леонида Зурова и Владислава Маевского, Нины Фёдоровой и Надежды Городецкой, Сергея Бехтеева и Петра Краснова.

В этом ряду своё достойное место занимает и самобытный талант Никифорова-Волгина.

Судьба Василия Акимовича Никифорова, писавшего под псевдонимом Василий Волгин, сложилась драматично.

Он родился в Рождественский сочельник 24 декабря 1900 года (по новому стилю 6 января 1901-го) в деревне Маркуши Тверской губернии. Вскоре после рождения сына семья переехала в Нарву. Не имея средств для окончания гимназии, Никифоров занимался самообразованием, хорошо знал русскую литературу, его любимыми писателями были Ф. Достоевский, Н. Лесков, А. Чехов, С. Есенин.

В 1920 году в Нарве Никифоров вместе с единомышленниками организовал «Союз русской молодежи», проводил литературные вечера, концерты. Вскоре он и сам вступил на литературное поприще: в русских периодических изданиях Прибалтики появляются его

рассказы, статьи, очерки, этюды, лирические миниатюры, подписанные псевдонимом Василий Волгин. В 1927-м на конкурсе молодых авторов в Таллине он получил первую премию за рассказ «Земной поклон». В эти же годы Никифоров, хорошо знавший и любивший православное богослужение, служил псаломщиком в нарвском Спасо-Преображенском соборе.

Активна и его общественная деятельность: в 1927 году он стал одним из учредителей русского спортивно-просветительного общества «Святогор», при котором были образованы религиозно-философский и литературный кружки, участвовал в съездах Русского студенческого христианского движения, проходивших в Псково-Печерском и Пюхтицком монастырях. Вместе с Л. Аксом редактировал журнал «Полевые цветы» — орган русской литературной молодежи в Эстонии.

Постепенно имя Волгина становится известно в среде всего русского зарубежья, он

публикуется в крупной эмигрантской газете «Сегодня». В канун 1936 года писатель переезжает в Таллин, где был избран почётным членом русского общества «Витязь». Сборники его православной прозы «Земля-именинница» (1937) и «Дорожный посох» (1938), вышедшие в таллинском издательстве «Русская книга», потрясли читателей правдивостью и смелостью. Его творчество, как отмечала критика, есть «отражение и отзвук исканий Бога, чистая, горячая мечта по невидимому граду благодати и успокоения»¹.

Жизнь талантливого писателя была оборвана на взлёте. Летом 1940 года в Эстонии установилась советская власть, положившая конец культурной и литературной жизни русской эмиграции. В мае 1941-го Никифоров, работавший на судостроительном

¹ Пильский П. [Рец.] // Сегодня. Рига, 1938. 8 октября.

заводе, был арестован органами НКВД, а с началом войны отправлен по этапу в г. Киров (Вятка), где 14 декабря того же года расстрелян «за издание книг, брошюр и пьес клеветнического, антисоветского содержания»¹. Антисоветское же в его творчестве — отнюдь не политика, но глубокая христианская вера. Это тот редкий случай, когда писателя лишили жизни именно за православность его книг.

* * *

Эпиграфом к творческому наследию Волгина могут послужить тютчевские строки:

Утомлённый ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

¹ *Исаков С.* Забытый писатель // *Никифоров-Волгин В.А.* Дорожный посох: Избранное. М., 1992. С. 334.

Волгин — мастер лирической миниатюры. Его прозе присущи отточенный стиль, колоритная образность, напевная тональность. Рассказы и зарисовки складываются в тихую задушевную песню о России. Во времена беззаконий и гонений, обрушившихся на родную землю, среди моря страданий Волгин отыскивает зёрна христианской любви, рисует персонажей, которые хранят Святую Русь в своём сердце. Это странники, богомольцы, церковнослужители, юродивые, которые утешают страдающий народ, лечат души, очищают сердца. «Странничество и — раздумья, скитанья и вздохи. На бескрайних, молчаливых русских дорогах ранним утром и сумеречными вечерами совершаются незримые чудеса. С дорожным посохом, с котомкой за плечами проходят богомольные люди, погружённые в святое созерцание и беспокойные, печальные думы. Их прекрасно улавливает, тонко слышит, глубоко чувствует

В. Никифоров-Волгин, *очень русский* писатель, отдавший свое сердце, преклонивший свой слух земле»¹, — писал С. Нарышкин.

В безмятежно-радостные, светлые тона окрашены рассказы цикла «Земля-имениница», где мир увиден глазами ребенка, общающегося к Православию. Христианская вера, Церковь являются для Волгина теми опорами, которые придают бытию целостность и гармоничность. Подобно И. Шмелеву, автору «Лета Господня», Волгин передаёт поэзию православных праздников, сочетает в своих рассказах образную речь простонародья с элементами церковнославянского языка. Ценят этот язык дедушка Влас и дьякон Афанасий в рассказе «Молнии слов светозарных». «В такие вечера вся их речь, даже самая обыденная, переливалась жемчугами

¹ Нарышкин С. Певец Бога и земли // Никифоров-Волгин В. Заутреня святителей: Избранное / Сост. А. Стрижев. М., 1998. С. 471.

славянских слов, и любили, грешным делом, повеличатся друг перед другом богатством собранных сокровищ. Утешали себя блеском старинных кованных слов...» Произведения Волгина — трогательные, согреты жаром православной души, пронизанные тихим светом и песенным лиризмом, — критики называли «рапсодиями».

Вместе со своими героями автор размышляет «о таинственных путях русской души, о величайших падениях её и величайших восстаниях, — России разбойной и России веригоносной» (рассказ «Вериги»). Повесть «Дорожный посох» написана в форме дневника сельского священника, которому довелось пережить войну, революцию, арест, издевательства безбожников, приговор к расстрелу (автор пророчески описал свою собственную судьбу и кончину). Эта книга — словно тихий плач о родной земле, до боли любимой героем. «Вся русская земля истосковалась

по Благом Утешителе. Все устали. Все горем захлебнулись. Все чают Христова утешения. Я иду к ним», — заключает герой свой рассказ. Чудом избегнувший смерти, батюшка несёт страдающим людям евангельский свет.

Волгин — одни из первооткрывателей темы преследования верующих, гонений на Церковь в Советской России. «Здесь у писателя нередки апокалипсические настроения и видения. Но тем не менее, как истинный христианин, он не теряет веры в возможное духовное возрождение человека, в духовное обновление Руси»¹, — пишет первый исследователь и издатель наследия Волгина С. Исаков.

Поразительный образ-символ создаёт писатель в зарисовке «Пасха на рубеже России». Однажды он оказался на берегу Чудского озера, на тогдашней границе России.

¹ *Исаков С.* Забытый писатель. С. 337.

Хотя родина захвачена безбожниками, в псковской глуши ещё идут службы, и оттуда, с другой стороны рубежа, доносится благовест — «так звонила Россия к Пасхальной Заутрене». Подлинная Русь сосредоточена в этих праздниках, службах, колоколах. Стоя на берегу и слушая звон, автор *«крестится на Россию»*, в лице своих святых и праздников выросшую до иконы тысячелетнего православного царства.

Но это — в плане вечностном, метафизическом. В современных земных реалиях автор видит утрату веры и благочестия, надругательство над святынями, оскудение душ. Не менее символичен рассказ «Весенний хлеб». По старинному обычаю старик вынес новоиспечённый хлеб на перекрёсток, чтобы отдать бедным. Но равнодушно проехали мимо и горожане на автомобиле, и велосипедист в кожанке, а бродяга — не в пример прежним нищим — плюнул и грязно

выругался. Старик простоял до вечера: некому на Руси стало отдать «хлеб Господень». В этом — примета нового, страшного времени, оскудения нравственного запаса. Старик, словно новый Диоген со своим фонарём, так и не нашел *человека*.

Две России постоянно присутствуют в художественном мире Волгина: разбойная, вбивающая гвозди в богородичную икону, — и монашеская, молитвенная. Народ раскрестившийся, со «звериным ликом» — и молеельщики, ищущие правды, свершающие «светоподательные подвиги». Ужасы и мерзости, дикий разгул насилия и произвола не порождают уныния или отчаяния, что подметил А. Амфитеатров: «Сквозь великую грусть, внедряемую в душу трогательною книгою, таинственно светит некий тёплый, кромешной тьмы не рассеивающий, но изда- лека её путеводно пронизывающий, уповани- ем бодрящий луч. Эта книга — шмелёвского

настроения, но Шмелёва не апокалиптически страшного “Солнца мёртвых”, а Шмелёва позднейшего, задумавшегося о “Путях небесных”»¹.

Один из постоянных мотивов Волгина — умиротворение и просветление человека. Тема покаяния, исцеления распадающегося мира звучит и в новелле «Чёрный пожар» (где боец спасает раненого противника-белогвардейца, в котором вдруг увидел брата, «земляка» по России), и в одном из лучших рассказов, «Мати-пустыня». Мотив *возвращения* постепенно становился всё отчётливее в русской литературе XX века (вспомним хотя бы одноимённый рассказ А. Платонова). Исцеление от беспамятства, прозрение русского человека, приникающего к своим истокам, к древним, тысячелетним корням, — наиболее

¹ Амфитеатров А. Тоска по Богу // Никифоров-Волгин В. Заутреня святителей. С. 485.

широко и многопланово эта тематика вошла в традиционную (так называемую деревенскую) прозу 1960-х — 1970-х годов, в критику и публицистику тех лет. Но предтечей стал Волгин, открывший эту тему уже через несколько лет после октябрьской катастрофы. В рассказе «Мати-пустыня» деревенский парень возвращается из Красной Армии домой, к матери. В бешеной суете революционных дней он не замечал *красоты*, и только сейчас ему открывается мир Божий: «Солнцем, цветами, свежестью распускающихся берез, несказанной Господней красотой полны были голубые глубины леса». Родная земля лечит душу, оживают в памяти предания и молитвы. Смертельно больной, герой просит отвезти его в монастырь, чтобы покаяться в тяжких грехах. Мирная кончина примирившегося с Богом происходит «тише падения золотого листа с дерева»; мать поёт умершему на её руках сыну «про дубравы Господни, цветами

райскими украшенные». Древний сюжет возвращения блудного сына мастерски претворён Волгиным в форму напевного сказания-притчи.

Встречаются и комические эпизоды, как в рассказе «Икона». Грустной иронией окрашена история о том, как люди возвращают подаренную икону, потому что в квартире «модный стиль модерн» и она «к мебели не подходит». Этот сюжет также словно взят из послевоенной советской беллетристики, из «Чёрных досок» В. Солоухина.

Среди открытий Волгина — описание молитвы сельского священника («Молитва»). Оно уникально в русской литературе. Простой, необразованный батюшка напрямую говорит со Всевышним, буквально вопиет о спасении своих страдальцев-прихожан. Случайно услышанная автором, эта молитва оставляет у него ощущение ужаса и священного трепета. Ничего подобного в отечественной

беллетристике нет. Даже в «Путиях небесных» И. Шмелёва молитвенные обращения Дариньки выглядят по сравнению с волгинскими слишком литературными.

«Весь интерес писателя обращён на духовную нужду народа, ограбленного в вере своей, и, в частности, особенно подчёркнуто, на переживания антихристового пришествия верно устоявшею во Христе частью православного мира и его духовенства»¹, — заметил В. Амфитеатров. Постоянно ощущаем высший план истории, метафизическая битва Креста и сатанинской звезды. «Заутреня святителей» — сказ о том, как Николай Угодник, Сергей Радонежский и Серафим Саровский идут по заснеженной Русской земле, служат заутреню в церковке в глухом Китежском лесу. Никола объясняет, почему так близка ему Русь: она — «кроткая дума Господня.

¹ Амфитеатров А. Тоска по Богу. С. 484.

Дитя Его любимое. Неразумное, но лóбое». Но в революцию русский народ себя обагрил кровью, и святители молятся о его покаянии и спасении, благословляют «на все четыре конца снежную землю, выюгу и ночь», — в этом финале явственна отсылка к стихиям блоковских «Двенадцати», а в заступничестве святителей звучит надежда на преодоление ледяного мрака.

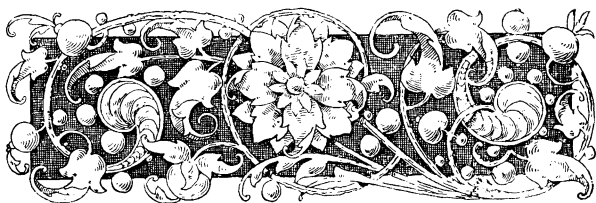
И в сегодняшней России XXI века, во времена сумрачные и трудные, книги Никифорова-Волгина — как глоток чистейшей родниковой воды. Его светозарное слово лечит душу, наполняет её живительным светом и дарит надежду.

Алексей Любомудров

Свете тихий

Крещение

В Крещенский Сочельник я подрался с Гришкой. Со слов бабушки я стал рассказывать ему, что сегодня в полночь сойдёт с неба ангел и освятит на реке воду и она запоёт: «Во Иордане крещающуюся Тебе, Господи». Гришка не поверил и обозвал меня «баснописцем». Этому прозвища я не вытерпел и толкнул Гришку в сугроб, а он дал мне по затылку и обсыпал снегом. В слезах пришёл домой. Меня спросили:

- О чём кувываешь?
- Гри-и-шка не верит, что вода петъ бу-у-дет сегодня ночью!

Из моих слов ничего не поняли.

— Нагрешник ты, нагрешник, — сказали с упрёком, — даже в Христов Сочельник не обойтись тебе без драки!

— Да я же ведь за дело Божие вступился, — оправдывался я.

Сегодня великое освящение воды. Мы собирались в церковь. Мать сняла с божницы сосудец с остатками прошлогодней святой воды и вылила её в печь, в пепел, ибо грех выливать её на места попираемые. Отец спросил меня:

— Знаешь, как прозывается по-древнему богоявленская вода? Святая агиасма!

Я повторил это как бы огнём вспыхнувшее слово, и мне почему-то представился недавний ночной пожар за рекой и зарево над снежным городом. Почему слово «агиасма» слилось с этим пожаром, объяснить себе не мог. Не оттого ли, что страшное оно?

На голубую от крещенского мороза землю падал большими хлопьями снег. Мать сказала:

— Вот ежели и завтра Господь пошлёт снег, то будет урожайный год.

В церковь пришли все заметеленными и румяными от мороза. От замороженных окон стоял особенный снежный свет — точно такой же, как между льдинами, которые недавно привезли с реки на наш двор.

Посредине церкви стоял большой ушат воды и рядом парчовый столик, на котором поставлена водосвятная серебряная чаша с тремя белыми свечами по краям. На клиросе читали «пророчества». Слова их журчали, как многоводные родники в лесу, а в тех местах, где пророки обращаются к людям, звучала набатная медь: «Измойтесь и очиститесь, оставьте лукавство пред Господом: жаждущие, идите к воде живой...»

Читали тринадцать паремий. И во всех них струилось и гремело слово «вода». Мне представлялись ветхозаветные пророки в широких одеждах, осенённые молниями, одиноко стоящие среди камней и высоких гор, а над ними янтарное библейское небо и ветер, развевающий их седые волосы...

При пении «Глас Господень на водах» вышли из алтаря к народу священник и диакон. На водосвятной чаше зажгли три свечи.

— Вот и в церкви поют, что на водах голос Божий раздаётся, а Гришка не верит... Плохо ему будет на том свете!

Я искал глазами Гришку, чтобы сказать ему про это, но его не было видно.

Священник читал молитву «Велий еси Господи, и чудна дела Твоя... Тебе поет солнце. Тебе славит луна, Тебе присутствуют звезды... Тебе слушает свет...»

После молитвы священник трижды погрузил золотой крест в воду, и в это время

запели снегом и ветром дышащий богоявленский тропарь «Во Иордани крещающуся Тебе, Господи, тройческое явися поклонение» и всех окропляли освящённой водою.

От ледяных капель, упавших на моё лицо, мне казалось, что теперь наступит большое ненарадованное счастье и всё будет по-хорошему, как в день Ангела, когда отец «осеребрит» тебя гривенником, а мать пяточком и пряником в придачу. Литургия закончилась посреди храма перед возжжённым светильником, и священник сказал народу:

— Свет этот знаменует Спасителя, явившегося в мир просветить всю поднебесную!

Подходили к ушату за святой водой. Вода звенела, и вспоминалась весна.

Так же как и на Рождество, в доме держали «дозвёздный пост». Дождавшись наступления вечера, сели мы за трапезу — на вечерницу. Печёную картошку ели с солью,

кислую капусту, в которой попадались морозинки (стояла в холодном подполе), пахнущие укропом огурцы и сладкую, мёдом заправленную кашу. Во время ужина начался зазвон к Иорданскому всенощному бдению. Началось оно по-рождественскому — Великим повечерием. Пели песню: «Всяческая днесь да возрадуется Христу явльшуся во Иордане» — и читали Евангелие о сошествии на землю Духа Божьего.

После всенощной делали углём начертание креста на дверях, притолоках, оконных рамах — в знак ограждения дома от козней дьявольских. Мать сказывала, что в этот вечер собирают в деревне снег с полей и бросают в колодец, чтобы сделать его сладким и многоводным, а девушки «величают звёзды». Выходят они из избы на двор. Самая старшая из них несёт пирог, якобы в дар звёздам, и скороговоркой, нараспев выговаривают:

— Ай, звёзды, звёзды, звёздочки! Все вы, звёзды, одной матушки, белорумяны и дородливы. Засылайте сватей по миру крещёному, сряжайте свадебку для мира крещёного, для пира гостиного, для красной девицы родимой.

Слушал и думал: хорошо бы сейчас побежать по снегу к реке и послушать, как запоёт полнощная вода...

Мать «творит» тесто для пирога, влив в него ложечку святой воды, а отец читает Библию. За окном ветер гудит в берёзах и ходит крещенский мороз, похрустывая валенками. Завтра на отрывном численнике покажется красная цифра 6, и под ней будет написано звучащее крещенской морозной водою слово: «Богоявление». Завтра пойдем на Иордань!

Кануны Великого поста

Вся в метели прошла преподобная Евфимия Великая — государыня Масленица будет метельной! Прошёл апостол Тимофей Полузимник; за ним три вселенских святителя: св. Никита, епископ Новгородский, — избавитель от пожара и всякого запаления; догорели восковые свечи Сретения Господня — были лютые сретенские морозы; прошли Симеон Богоприимец и Анна Пророчица.

Снег продолжает заметать окна до самого наверхия, морозы стоят словно медные, по ночам метель воеет, но на душе

любо — прошла половина зимы. Дни светлеют! Во сне уж видишь траву и берёзовые серёжки. Сердце похоже на птицу, готовую к полёту.

В лютый мороз я объявил Гришке:

— Весна наступает!

А он мне ответил:

— Дать бы тебе по затылку за такие слова! Кака тут весна, ежели птица на лету мёрзнет!

— Это последние морозы, — уверял я, дуя на окоченевшие пальцы, — уже ветер веселее дует, да и лёд на реке по ночам воет... Это к весне!

Гришка не хочет верить, но по глазам вижу, что ему тоже любо от весенних слов.

Нищий Яков Гриб пил у нас чай. Подув на блюдечко, он сказал поникшим голосом:

— Бежит время... бежит... Завтра наступает неделя о мытаре и фарисее. Готовьтесь

к Великому посту — редька и хрен да книга Ефрем.

Все вздохнули, а я обрадовался. Великий пост — это весна, ручки, петушинные вскрики, жёлтое солнце на белых церквах и ледоход на реке. За всенощной, после выноса Евангелия на середину церкви, впервые запели покаянную молитву:

Покаяния отверзи ми двери.
Жизнодавче,
Утреннеет бо дух мой ко храму
Святому Твоему.

С Мытаревой недели в доме начиналась подготовка к Великому посту. Перед иконами затепляли лампаду, и она уже становилась неугасимой. По средам и пятницам ничего не ели мясного. Перед обедом и ужином молились «в землю». Мать становилась строже и как бы уходящей от земли. До прихода Великого поста я спешил взять от зимы все её благодатности: катался

на санях, валялся в сугробах, сбивал палкой ледяные сосульки, становился на запятки извозчичьих санок, сосал льдинки, спускался в овраги и слушал снег.

Наступила другая седмица. Она называлась по-церковному — Неделя о Блудном сыне. За всенощной пели ещё более горькую песню, чем «Покаяние», — «На реках Вавилонских».

В воскресенье пришёл к нам погреться Яков Гриб. Присев к печке, он запел старинный стих «Плач Адама»:

Раю, мой раю,
Пресветлый мой раю,
Ради мене сотворенный,
Ради Евы затворенный.

Стих этот заставил отца разговориться. Он стал вспоминать большие русские дороги, по которым ходили старцы-слепцы с поводьями. Прозывались они Божиими певунами. На посохе у них изображались

голубь, шестиконечный крест, а у иных змея. Остановятся, бывало, перед окнами избы и запоют о смертном часе, о последней трубе Архангела, об Иосафе-царевиче, о вселении в пустыню. Мать свою бабушку вспомнила:

— Мастерица была петь духовные стихи! До того было усладно, что, слушая её, душа лечилась от греха и помрачения!..

— Когда-то и я на ярмарках пел! — отозвался Яков. — Пока голоса своего не пропил. Дело это выгодное и утешительное. Народ-то русский за благоглаголивость слов крестильный крест с себя сымет! Всё дело забудет. Опустит, бывало, голову и слушает, а слёзы-то по лицу так и катятся!.. Да, без Бога мы не можем, будь ты хоть самый что ни на есть чистокровный жулик и арестант!

— Теперь не те времена, — вздохнула мать, — старинный стих повыветрился! Всё больше фабричное да граммофонное поют!

— Так-то оно так, — возразил Яков, — это верно, что старину редко поют, но попробуй запой вот теперь твоя бабушка про Алексия — человека Божия или там про антихриста, так расплачутся разбойники и востоскуют! Потому что это... землю Русскую в этом стихе услышат... Прадеды да деды перед глазами встанут... Вся история из гробов восстанет!.. Да... От крови да от земли своей не убежишь. Она своё возьмёт... кровь-то!

Вечером увидел я нежный бирюзовый лоскуток неба, и он показался мне знаменем весны — она всегда, ранняя весна-то, бирюзовой бывает! Я сказал про это Гришке, и он опять выругался:

— Дам я тебе по затылку, курносая пятница! Надоел ты мне со своей весной хуже горькой редьки!

Наступила Неделя о Страшном Суде. Накануне поминали в церкви усопших сродников. Дома готовили кутью из зёрен —

в знак веры в Воскресение из мёртвых. В этот день церковь поминала всех «от Адама до днесь усопших в благочестии и вере» и особенное моление воссылала за тех, «коих вода покрыла, от брани, пожара и землетрясения погибших, убийцами убитых, молнией попаленных, зверьми и гадами умерщвленных, от мороза замерзших...». И за тех «яже уби меч, конь совосхити, яже удави камень, или перст посыпа; яже убиша чаровныя напоения, отравы, удавления...».

В воскресенье читали за Литургией Евангелие о Страшном Суде. Дни были страшными, похожими на ночные молнии или отдалённые раскаты грома.

Во мне боролись два чувства — страх перед грозным Судом Божиим и радость от близкого наступления Масленицы. Последнее чувство было так сильно и буйно, что я перекрестился и сказал:

— Прости, Господи, великие мои со-
грешения!

Масленица пришла в лёгкой метелице.
На телеграфных столбах висели длинные
багровые афиши. Почти целый час мы чи-
тали с Гришкой мудрёные, но завлекатель-
ные слова:

«Кинематограф “Люмьер”. Живые
движущиеся фотографии и, кроме
того, блистательное представление
малобариста геркулесного жонглёра-
эквилибриста “Бруно фон Солерно”,
престиджитатора Мюльберга и маги-
ко-спиритический вечер престиджи-
татора, эффектиста, фантастического
вечера эскамотажа, прозванного ко-
ролём ловкости, Мартина Лемберга».

От людей пахло блинами. Богатые пек-
ли блины с понедельника, а бедные с четвер-
га. Мать пекла блины с молитвою. Первый
испечённый блин она положила на слу-
ховое окно в память умерших родителей.

Мать много рассказывала о деревенской Масленице, и я очень жалел, почему родителям вздумалось перебраться в город. Там всё было по-другому. В деревне масленичный понедельник назывался — встреча; вторник — заигрыши; среда — лакомка; четверг — перелом; пятница — тёщины вечёрки; суббота — золовкины посиделки; воскресенье — проводы и прощёный день. Масленицу называли также Боярыней, Царицей, Осударыней, Матушкой, Гулёной, Красавой. Пели песни, вытканые из звёзд, солнечных лучей, месяца — золотые рожки, из снега, из ржанных колосков.

В эти дни все веселились, и только одна Церковь скорбела в своих вечерних молитвах. Священник читал уже великопостную молитву Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего». Наступило прощёное воскресенье. Днём ходили на кладбище прощаться с усопшими сродниками.

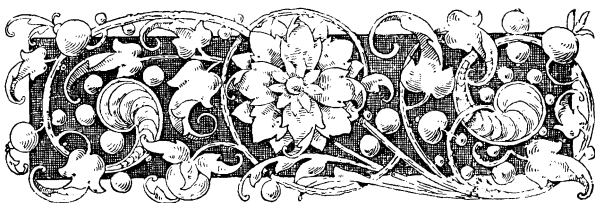

В церкви, после вечерни, священник поклонился всему народу в ноги и попросил прощения. Перед отходом ко сну земно кланялись друг другу, обнимались и говорили: «Простите, Христа ради» — и на это отвечали: «Бог простит». В этот день в деревне зорнили пряжу, то есть выставляли моток пряжи на утреннюю зарю, чтобы вся пряжа была чиста.

Снился мне грядущий Великий пост, почему-то в образе преподобного Сергия Радонежского, идущего по снегу и опирающегося на чёрный игуменский посох.

1938

Великий пост

Редкий великопостный звон разбивает скованное морозом солнечное утро, и оно будто бы рассыпается от колокольных ударов на мелкие снежные крупинки. Под ногами скрипит снег, как новые сапоги, которые я обуваю по праздникам.

Чистый Понедельник. Мать послала меня в церковь «к часам» и сказала с тихой строгостью:

— Пост да молитва небо отворяют!

Иду через базар. Он пахнет Великим постом: редька, капуста, огурцы, сушёные

грибы, баранки, снитки, постный сахар... Из деревень привезли много веников (в Чистый Понедельник была баня). Торговцы не ругаются, не зубоскалят, не бегают в казёнку за сотками и говорят с покупателями тихо и великотно:

- Грибки монастырские!
- Венички для очищения!
- Огурчики печёрские!
- Сниточки причудские!

От мороза голубой дым стоит над базаром. Увидел в руке проходившего мальчишки прутик вербы, и сердце охватила знобкая радость: скоро весна, скоро Пасха и от мороза только ручейки останутся!

В церкви прохладно и голубовато, как в снежном утреннем лесу. Из алтаря вышел священник в чёрной епитрахили и произнёс никогда не слыханные слова: «Господи, Иже Пресвятаго Своего Духа в третий час апостолом Твоим низпославый, Того,

Благий, не отыми от нас, но обнови нас, молящих Ти ся...»

Все опустились на колени, и лица молящихся — как у предстоящих перед Господом на картине «Страшный Суд». И даже у купца Бабкина, который побоями вогнал жену в гроб и никому не отпускает товар в долг, губы дрожат от молитвы и на выпуклых глазах слёзы. Около Распятія стоит чиновник Остряков и тоже крестится, а на Масленице похвалялся моему отцу, что он, как образованный, не имеет права верить в Бога. Все молятся, и только церковный староста звенит медяками у свечного ящика.

За окнами снежной пылью осыпались деревья, розовые от солнца.

После долгой службы идёшь домой и слушаешь внутри себя шёпот: «Обнови нас, молящих Ти ся... даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего...»

А кругом солнце. Оно уже сожгло утренние морозы. Улица звенит от ледяных сосулек, падающих с крыш.

Обед в этот день был необычайный: редька, грибная похлёбка, гречневая каша без масла и чай яблочный. Перед тем как сесть за стол, долго крестились перед иконами. Обедал у нас нищий старичок Яков, и он сказывал: «В монастырях по правилам святых отцов на Великий пост положено сухоястие, хлеб да вода... А святой Ерм со своими учениками вкушали пищу единойжды в день, и только вечером...»

Я задумался над словами Якова и перестал есть.

— Ты что не ешь? — спросила мать.

Я нахмурился и ответил басом, исподлобья:

— Хочу быть святым Ермом!

Все улыбнулись, а дедушка Яков погладил меня по голове и сказал:

— Ишь ты, какой восприемный!

Постная похлёбка так хорошо пахла, что я не сдержался и стал есть; дохлебал её до конца и попросил ещё тарелку, да погуще.

Наступил вечер. Сумерки колыхнулись от звона к Великому повечерию. Всея семьёй мы пошли к чтению канона Андрея Критского. В храме полумрак. На середине стоит аналой в чёрной ризе, и на нём большая старая книга. Много богомольцев, но их почти не слышно, и все похожи на тихие деревца в вечернем саду. От скудного освещения лики святых стали глубже и строже.

Полумрак вздрогнул от возгласа священника, тоже какого-то далёкого, окутанного глубиной. На клиросе запели тихо-тихо и до того печально, что защемило в сердце: «Помощник и Покровитель бысть мне во спасение: сей мой Бог, и прославлю

Его, Бог Отца моего, и вознесу Его, славно бо прославися...»

К аналою подошёл священник, зажёт свечу и начал читать великий канон Андрея Критского: «Откуда начну плакати окаянаго моего жития деяний? Кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию? Но яко благоутробен, даждь ми прегрешений оставление».

После каждого прочитанного стиха хор вторит батюшке: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя».

Долгая-долгая, монастырски строгая служба. За погасшими окнами ходит тёмный вечер, осыпанный звёздами. Подошла ко мне мать и шепнула на ухо:

— Сядь на скамейку и отдохни малость...

Я сел, и охватила меня от усталости сладкая дрёма, но на клиросе запели: «Душе моя, душе моя, возстани, что спиши?»

Я смахнул дрёму, встал со скамейки и стал креститься.

Батюшка читает: «Согреших, беззаконных и отвергох заповедь Твою...»

Эти слова заставляют меня задуматься. Я начинаю думать о своих грехах. На Масленице стянул у отца из кармана гривенник и купил себе пряников; недавно запустил комом снега в спину извозчика; приятеля своего Гришку обозвал «рыжим бесом», хотя он совсем не рыжий; тётку Федосью прозвал «грызлой»; утаил от матери сдачу, когда покупал керосин в лавке, и при встрече с батюшкой не снял шапку.

Я становлюсь на колени и с сокрушением повторяю за хором: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя...»

Когда шли из церкви домой, дорогою я сказал отцу, понутив голову:

— Папка! Прости меня, я у тебя стянул гривенник!

Отец ответил:

— Бог простит, сынок.

После некоторого молчания обратился я и к матери:

— Мама, и ты прости меня. Я сдачу за керосин на пряниках проел.

И мать тоже ответила:

— Бог простит.

Засыпая в постели, я подумал: «Как хорошо быть безгрешным!»

«Коржество Православия»

Отец загадал мне мудрёную загадку: «Стоит мост на семь вёрст. У конца моста стоит яблоня, она пустила цвет на весь Божий свет».

Слова мне понравились, а разгадать не мог. Оказалось, что это семинедельный Великий пост и Пасха.

Первая неделя Поста шла к исходу. В субботу церковь вспоминала чудо великомученика Феодора Тирона. В этот день в церкви давали медовый рис с изюмом. Он так мне понравился, что я вместо одной

ложечки съел пять, и дьякон, державший блюдо, сказал мне:

— Не многовато ли будет?

Я поперхнулся от смущения и закашлялся.

В эти богоспасённые дни (так ещё называли Пост) я часто подходил к численнику и считал листики: много ли дней осталось до Пасхи?

Перелистал их лишь до Великой Субботы, а дальше уж не заглядывал — не грешно ли смотреть на Пасху раньше срока?

Отец, сидя за верстаком, пел великопостные слова:

Возсия благодать Твоя, Господи,
возсия просвещение душ наших;
отложим дела тьмы, и облечемся
во оружие света:

яко да преплывше Поста великую пучину.

Всё чаще и чаще заставляли меня читать по вечерам «Сокровище духовное,

от мира собираемое» святителя Тихона Задонского. Я выучил наизусть вступительные слова к этой книге и любовался ими, как бисерным кошелёчком, вышитым в женском монастыре и подаренным мне матерью в день Ангела. «Как купец от различных стран собирает различные товары, и в дом свой привозит, и сокрывает их: так христианину можно от мира сего собирать душеполезные мысли, и слагать их в клетки сердца своего, и теми душу свою созидать».

Многое что не понимал в этой книге. Нравились мне лишь заглавия некоторых поучений. Я заметил, что и матери эти заглавия были любы. Прочтёшь, например: «Мир», «Солнце», «Сеятва и жатва», «Свещца горящая», «Вода мимотекущая», а мать уж и вздыхает:

— Хорошо-то как, Господи!

Отец возразит ей:

— Подожди вздохнуть... Это же зачин.

А она ответит:

— Мне и от этих слов тепло!

Читаешь творение долго. Закроешь книгу и по старинному обычаю поцелуешь её. Много прочитано разных наставлений святителя, а мать твердит только одни, ей любимившиеся, заглавные слова:

— Свеща горящая... Вода мимотекущая...

Наш город ожидал два больших события: приезд архиерея со знаменитым протодьяконом и чин провозглашения анафемы отступникам веры.

Про анафему мне рассказывали, что в старое время она провозглашалась Гришке Отрепьеву, Стеньке Разину, Пугачёву, Мазепе и в этот день старухи-невразуми-хи поздравляли друг дружку по выходе из церкви: «С проклятьцем, матушка».

При слове «анафема» мне почему-то представлялись большие гулкие камни, падающие с высоких гор в дымную бездну.

День этот был мглист, надут снегом и ветром, готов рассыпаться тяжкой свинцовой вьюгой. Хотя и объяснял мне Яков, что анафему не надо понимать как проклятие, я всё же стоял в церкви со страхом.

Из алтаря вышло духовенство для встречи епископа. Я насчитал двенадцать священников и четырёх дьяконов.

Шествие замыкал высокий, дородный протодьякон с широким медным лбом, с рыжими кудрями по самые плечи. Он плыл по собору, как большая туча по небу, вьюжно шумя синим своим стихарём, опоясанным серебряным двойным орарем. Крепкая медная рука с литыми длинными пальцами держала кадило.

Про этого протодьякона ходила молва, что был он когда-то бурлаком на Волге

и однажды, тняя бичеву, запел песню на всё волжское поволье. Услыхал эту песню проезжавший мимо Московский митрополит. Диву он дался, услыхав голос такой редкостной силы. Владыка повелел позвать к себе певца. С этого и началось. Бурлак стал протодьяконом.

На колокольне затрезвонили «во вся тяжкая» колокола. К собору подкатила карета, из которой вышел сановитый монах в собольей шубе, опираясь на чёрный высокий посох. Лицо монаха властное, смурое, как у древних ассирийских царей, которых я видел в книжке.

В это время загрохотал как бы великий гром. Все перекрестились и восколебались, со страхом взглянув на медного протодьякона. Он начал возглашать: «Достойно есть, яко воистину...»

К его возгласу присоединился хор, запев волнообразное архиерейское «входное»,

поверх которого шли тяжёлые волны протодьяконского голоса: «И славнейшую без сравнения серафим...»

Два иподьякона облачали епископа в лиловую мантию. Она звенела тонкими ручьёвыми бубенчиками.

Это была первая торжественная служба, которую я видел, и мне было радостно, что наше Православие такое могучее и просторное. Недаром сегодняшней день назывался по-церковному «Торжеством Православия».

Епископа облачали в редкостные ризы, посредине церкви, на бархатном красном возвышении, и в это время пели запомнившиеся мне слова: «Да возрадуется душа твоя, о Господи!..» Всё это было мне в диковинку, и Гришка несколько раз говорил мне:

— Закрой рот! Стоишь, как ворона!

— А у тебя сопля текёт! — разъярился я на Гришку, толкнув его локтем.

— Чего это вы тут озоруете? — зашипел на нас красноносый купец Саморядов. — Анафемы захотели?

Но купец Саморядов сам не выдержал тишины, когда протодьякон грянул во всю свою волговую силу: «Тако да просветится свет Твой пред человеки!..»

Купец скрючился, ахнул и восторженно вскрикнул:

— Вот дак... голосище!.. Чтоб... его...

Он хотел прибавить что-то неладное, но испугался; закрыл ладонью рот и стал часто креститься. На купца взглянули и улыбнулись.

Меня затеснили и загородили свет. Я пытался протискаться вперед, но меня не пускали и даже бранили:

— И что это за шкет такой беспокойный!

— Пустите сорванца вперед, а то все мозоли нам отдавит!

Меня выпихнули к самому амвону, где стояли почётные богомольцы. На меня покосились, но я никакого внимания на них не обратил и встал рядом с генералом.

Я смотрел на «золотое шествие» духовенства из алтаря на середину церкви при пении «Блажени нищие духом», на выход епископа со свечами, провозгласившего над народом моление «Призри с небеси Боже» и осенившего всех нас огнём, — а в это время три отрока в стихарях пели: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас», — на всенародное умовение рук епископа перед Великим выходом при пении: «Иже Херувимы тайно образующе», и всё это при синайских громах протодьяконовского возношения.

Мне не стоялось спокойно, я вертелся по сторонам и весь как бы горел от восхищения.

Генерал положил мне руку на голову и вежливо сказал:

— Успокойся, милый, успокойся!

Начался чин анафемствования. На середину церкви вынесли большие тёмные иконы Спасителя и Божьей Матери. Епископ прочитал Евангелие о заблудшей овце, и провозглашали ектению о возвращении всех отпавших в объятия Отца Небесного.

В окна собора била выюга. Все люди стояли потемневшими, с опущенными головами, похожими на землю в ожидании бури.

После молитвы о просвещении Светом всех помрачённых и отчаявшихся на особую деревянную восходницу поднялся протодьякон и положил тяжёлые металлические руки на высокий чёрный аналой. Он молча и грозно оглядел всех предстоящих, высоко поднял златовласую голову,

перекрестился широким взмахом и всею силою своего широкого голоса запел прокимен: «Кто Бог великий яко Бог наш, Ты еси Бог наш творяй чудеса!»

Как бы объятый огнём и бурю, протодьякон бросал с высоты восходницы огненное, страшное слово «анна-фе-мма!».

И опять мне представилась гора, с которой падали тяжёлые чёрные камни в дымную бездну.

Все отлучаемые от Церкви были этими падающими камнями. Вслед им, с высоты горы, Церковь пела трижды великоскорбное и как бы рыдающее: «Анафема, анафема, анафема!»

Церковь жалела отлучаемых.

В этот мглистый выюжный день вся земля, казалось, звучала протодьяконской медью:

«Отрицающим бытие Божие — анафема!»

«Дерзающим глаголати яко Сын Божий не единосущен Отцу и не бысть Бог — анафема!»

«Не приемлющим благодати искупления — анафема!»

«Отрицающим Суд Божий и воздаяние грешников — анафема!..»

В этот день мать плакала:

— Жалко их... Господи!..

Содержание

<i>Алексей Любомудров. Светозарное слово Василия Волгина</i>	5
--	---

Свете тихий

Крещение	23
Кануны Великого поста	30
Великий пост	40
«Торжество Православия»	48
Двенадцать Евангелий	60
Плащаница	66
Великая Суббота	72
Канун Пасхи	79
Светлая Заутреня.....	86
Святое Святых	98
Причащение	107
Преждеосвященная	115
Исповедь	122

Содержание

Тайнодействие	131
Радуница	140
Отдание Пасхи	148
Земля-именинница.....	157
Певчий	170
Крещение человека (Из цикла «Семь таинств»)	180
В школу.....	189
Иванушка.....	197
Яблоки	206
Митрошка	216
Васька и Гришка.....	227
Падающие звёзды.....	242

Жизнь жительствоует

Весенний хлеб	255
Свеча.....	265
Сумерки.....	269
Древняя книга	278

Содержание

Древний свет.....	284
Максим Каменев	296
Солнце играет.....	307
На рубеже.....	316
Песня	329
Не в брачной одежде	336
Лесник Гордей.....	345
Икона.....	351
Шелуха от семечек.....	359
Московский миллионщик	367
Юродивый Глебушка.....	381
Тревога.....	394
Вериги	401
Дар слёзный	407
Мать	422
Чёрный пожар	426
Зверь из бездны	433
Странники	440
Под колоколами	448

Содержание

Гробница.....	454
Антихрист	461
Родные огни (<i>Этюд</i>).....	471
Юродивый	478
Мати-пустыня	488
Земной поклон	502
Безбожник	509
Голод.....	515
Кошмар	520
Любовь — книга Божия	528

Котомка странника в рясе

Молитва.....	543
Архиерей	552
Чаша страданий	569
Чаша.....	577
Ветер	582
Алтарь затворённый.....	598
Оскудение.....	602

Содержание

Дорожный посох (<i>Повесть</i>)	609
Заутреня святителей. <i>Под Новый год</i>	692
Пушкин и митрополит Филарет	697
Пасха на рубеже России	704
Приложение	
<i>Сергей Нарышкин. Певец Бога</i>	
и земли.....	707

